Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

ИЗЪ СИНТАКТИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.

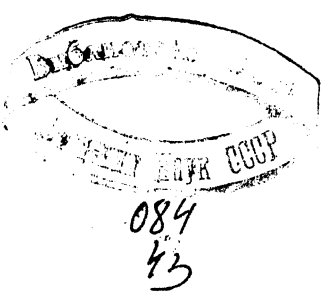
I.

КЪ ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦІИ БЕЗСУБЪЕКТНЫХЪ ПРЕДЛОЖЕНІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1901.

Р
291

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1901 года.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.



084
43

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. V (1900), кн. 4, стран. 1146 — 1186.

Изъ синтактическихъ наблюденій.

Къ вопросу о классификаціи безсубъектныхъ предложеній.

I.

Предлагаемая статья преслѣдуетъ цѣль *методологическую* и предназначена служить введеніемъ въ дальнѣйшія историко-сравнительныя изслѣдованія, предпринятыя авторомъ въ области безсубъектныхъ предложеній.

Ближайшею задачею является установленіе *синтактическаго* принципа классификаціи безсубъектныхъ предложеній. Это вытекаетъ изъ усвоеннаго авторомъ основного воззрѣнія на задачи научнаго синтаксиса, которое сводится къ слѣдующему.

Подобно тому какъ въ отдѣльномъ словѣ мы различаемъ (оставляя въ сторонѣ внѣшнюю, звуковую форму) 1) *значеніе* (матерьяльное содержаніе) и 2) *грамматическую форму*, такъ и въ *предложеніи* мы должны различать 1) его *матерьяльное содержаніе*, его смыслъ (то, что̀ сказано) и 2) его *синтактическую форму* (то, какъ сказано — въ смыслѣ грамматическомъ). Актъ грамматическаго (лингвистическаго) мышленія въ отдѣльномъ словѣ сводится къ психологическому процессу *апперцепціи* даннаго содержанія (представленія, понятія и т. д.) извѣстною *морфологическою категоріею* (существительнымъ, прилагательнымъ, глаголомъ и т. д.). Актъ грамматическаго мышленія въ предложеніи сводится къ психологическому процессу *апперцеп-*

ціи даннаго содержанія извѣстными *синтактическими категоріями* (подлежащимъ, сказуемымъ, дополненіемъ и т. д.). Эти синтактическія категоріи суть тѣ-же морфологическія (тѣ-же существительныя, прилагательныя, глаголы и т. д.), но только дѣйствующія не въ отдѣльномъ словѣ, а въ предложеніи. Не трудно видѣть, что въ предложеніи постановка грамматической апперцепціи не такая, какъ въ отдѣльномъ словѣ: въ предложеніи грамматически апперцепируется, кромѣ извѣстнаго представленія или понятія, еще и роль его, какъ подлежащаго, какъ сказуемаго и т. д. Иначе говоря, грамматическое мышленіе въ его синтактическомъ выраженіи исполняетъ значительно бо̀льшую умственную работу, чѣмъ та, какую исполняетъ оно внѣ синтактическаго выраженія. Выяснить характеръ и психологическій смыслъ этой — синтактической — умственной работы, изслѣдовать историческіе пути ея развитія и, наконецъ, опредѣлить ея значеніе и назначеніе въ общей экономіи мышленія человѣческаго, возвышающагося надъ языкомъ, — таковы конечныя задачи научнаго синтаксиса. Отсюда и вытекаетъ методологическое требованіе, гласящее, что въ изслѣдованіи синтактическихъ формъ прежде всего нужно имѣть въ виду *предложеніе съ его составными частями*, и первымъ вопросомъ, здѣсь возникающимъ, долженъ быть вопросъ о томъ, что̀ и какъ въ предложеніи *синтактически апперцепировано*, и что̀ и почему *неапперцепировано*. Отправляясь отъ этого вопроса, изслѣдователь старается вникнуть въ характеръ, въ духъ оборота, уловить его синтактическія особенности и тонкости, на которыхъ основано его значеніе и призваніе въ общей экономіи и въ развитіи грамматическаго мышленія въ данномъ языкѣ. Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы изслѣдовать цѣлый разрядъ извѣстныхъ оборотовъ, и самъ собою выдвигается впередъ вопросъ о ихъ классификаціи, тогда, конечно, съ особливой настойчивостью сказывается потребность найти въ этихъ оборотахъ общую имъ, объединяющую ихъ синтактическую черту и положить *ее* (а не другія черты) въ основу классификаціи.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы выводимъ, для классификаціи безсубъектныхъ предложеній, *синтактическій принципъ*, сводящійся къ слѣдующему.

Отличительная черта безсубъектныхъ оборотовъ, при всемъ ихъ разнообразіи, это—отсутствіе (полное или неполное) подлежащаго. Въ нихъ подлежащее *не апперцепировано грамматически, или же его грамматическая апперцепія не полна, не завершена.* Оттуда самъ собою вытекаетъ принципъ, гласящій, что въ основаніе *синтактической классификаціи* безсубъектныхъ предложеній должно быть положено не что иное, какъ именно столь характерный для нихъ моментъ *отсутствія подлежащаго*, при чемъ различныя степени этого отсутствія дадутъ указанія для распредѣленія наличнаго матеріала безсубъектныхъ оборотовъ по разновидностямъ.

Однимъ словомъ, принципъ классификаціи, мною выставляемый, гласитъ, что *сперва*, т. е. именно въ дѣлѣ классификаціи, которое, конечно, себѣ не довлѣетъ, а только служитъ исходною точкою для дальнѣйшихъ изслѣдованій, надлежитъ изслѣдователю *смотрѣть въ сторону подлежащаго*, хотя оно и отсутствуетъ, *а не въ сторону сказуемаго*, какъ это обыкновенно дѣлается, и какъ дѣлаетъ это *Миклошичъ* въ своемъ классическомъ трактатѣ «Subjectlose Sätze».

Обычное, традиціонное дѣленіе безсубъектныхъ предложеній основывается, какъ извѣстно, на матеріальномъ значеніи сказуемаго (такія-то предложенія выражаютъ извѣстныя явленія природы, напр. «морозитъ», es regnet, такія-то обозначаютъ процессы, происходящіе въ организмѣ и въ душѣ человѣка, какъ «тошнитъ», «ломитъ», taedet, miseret и т. д.). Послѣ сказаннаго выше излишне пояснять, насколько такое дѣленіе не синтактично. Замѣчу только, что въ свое время оно было полезно (въ смыслѣ эмпирическаго изученія), и что, какъ увидимъ ниже, оно можетъ и теперь пригодиться въ дѣлѣ изслѣдованія происхожденія того или другого безсубъектнаго оборота. Въ общемъ, можно сказать, что оно стоитъ къ синтаксису безсубъ-

ектныхъ предложеній примѣрно въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ стоитъ словарь къ этимологіи. Распредѣленіе безсубъектныхъ оборотовъ, по ихъ матеріальному значенію, между извѣстными рубриками есть именно ихъ «словарь», который можетъ пригодиться, но въ которомъ нельзя видѣть синтактической постановки вопроса.

Другое дѣленіе, основанное на формально-грамматическомъ значеніи сказуемаго, уже гораздо ближе подходитъ къ синтактической точкѣ зрѣнія; поэтому его значеніе неоспоримо. Чтобы стать вполнѣ синтактическимъ, ему недостаетъ только, такъ сказать, *оглядки на подлежащее.* Ниже увидимъ, въ чемъ должна состоять эта «оглядка». У Миклошича ея нѣтъ: приведеніе субъектныхъ оборотовъ, равносильныхъ, *по матеріальному значенію*, безсубъектнымъ (какъ напр. *es weht* и *der Wind weht*, Subjectl. Sätze[2], стр. 43), не можетъ считаться таковою, потому что тутъ опять выдвинуто содержаніе фразы, *а не грамматическая форма* сказуемаго, которую-то и нужно привести въ извѣстную связь съ моментомъ отсутствія подлежащаго.

Оба способа дѣленія безсубъектныхъ предложеній у Миклошича примѣнены слѣдующимъ образомъ. Какъ извѣстно, онъ дѣлитъ безсубъектныя предложенія сперва съ точки зрѣнія формально-грамматической на 4 большіе отдѣла: I, безсубъектныя предложенія съ глаголомъ активнымъ; II, — съ глаголомъ возвратнымъ; III, — съ глаголомъ пассивнымъ и IV, — съ именемъ, соединеннымъ съ глаголомъ *esse.* Внутри же этихъ отдѣловъ онъ размѣщаетъ традиціонныя рубрики, основанныя на матеріальномъ содержаніи, какъ-то: 1) предложенія, выражающія существованіе предмета («es giebt einen Gott» и др.); 2) предложенія, относящіяся къ явленіямъ природы («свѣтаетъ», es regnet и т. д.); 3) — обозначающія тѣлесныя и душевныя состоянія («тошнитъ», mich hungert, miseret и пр.); 4) — выражающія чувственныя воспріятія (es brennt, «въ воздухѣ пахло резедой»); 5) предложенія, указывающія на силу по ея дѣйствію (es schüttelt mich, po vsêh udih me je trgalo, хорут.); 6) предложенія, выражающія

таинственное, фантастическое (es spukt); 7) — выражающія недостатокъ или, напротивъ, нѣчто противуположное недостатку (es gebricht mir daran, млр. дали хліба, коли *зубъ не стало*, — лежучи у Ильи *силы прибыло*); 8) предложенія, выражающія отвлеченныя отношенія (польск. chodzi o to — es handelt sich darum; wie geht es mit deiner Gesundheit? и т. п.). Всѣ эти 8 рубрикъ входятъ въ составъ I-го отдѣла (глаголъ активный). Во II-мъ (глаголъ возвратный) находимъ предложенія, выражающія «абсолютно» какое-либо дѣйствіе или состояніе (ит. si va; хор. drêmalo se mi je; какъ ей живется? Hier schläft sich angenehm и т. д.). Въ III-мъ отдѣлѣ (глаголъ пассивный) — то-же самое (das Verbum bezeichnet absolut einen Vorgang oder Zustand), напр. млр. ушукано мене, цсл. гласъ троубы оуслышано будеть, лат. curritur, itur, turbatum est domi и пр. Наконецъ тотъ-же смыслъ имѣютъ и предложенія, принадлежащія къ IV-му отдѣлу: es ist kalt, es wird Abend, на дворѣ было жарко и т. д. [1]).

Изъ этого обзора видно, какъ много вниманія удѣляетъ Миклошичъ тому, что̀ именно выражаютъ безсубъектныя предложенія, очевидно приписывая этому моменту первостепенную важность. Что-же касается критерія формально-грамматическаго (четыре большихъ отдѣла), то онъ остался какъ бы внѣ изслѣдованія и представляется введеннымъ только для большей ясности или систематичности въ распредѣленіи и обозрѣніи матеріала. Тщетно будемъ мы искать у Миклошича отвѣта на вопросъ напр. о томъ, какая внутренняя связь существуетъ между пассивностью или возвратностью глагола съ одной стороны и безсубъектностью предложенія съ другой. Въ общемъ трактатъ Миклошича представляетъ собою только описаніе или картину наличнаго инвентаря безсубъектности въ индо-европейскихъ языкахъ, преимущественно въ славянскихъ. Въ своемъ родѣ этотъ трудъ долженъ быть признанъ образцовымъ. Миклошичъ, по характеру своего огромнаго дарованія, былъ прежде всего великій

1) Миклошичъ почему-то не оговариваетъ, что, по большей части, это — предложенія не съ именемъ, а съ нарѣчіемъ.

систематизаторъ,—и его трактатъ о безсубъектныхъ предложеніяхъ является образцомъ ясной, отчетливой, стройной систематизаціи матеріала и, въ этомъ смыслѣ, надолго останется незамѣнимымъ.

Въ посмертномъ трудѣ Потебни — «Изъ записокъ по русской грамматикѣ, ч. III. — Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго» — находимъ главу (XII-ю, стр. 403 — 485), посвященную изслѣдованію безсубъектныхъ предложеній. Здѣсь собранъ обширный матеріалъ изъ русскаго и другихъ славянскихъ языковъ. Въ противуположность Миклошичу, Потебня не былъ систематизаторомъ, и въ его трудахъ (въ особенности же въ посмертныхъ, не получившихъ окончательной отдѣлки) мы не находимъ той стройности въ объединеніи и расположеніи матеріала, какою такъ выгодно отличаются работы Миклошича. Но за то Потебня былъ великій мыслитель, — и его сила — въ глубокомъ проникновеніи въ психологію языка и въ творчествѣ научной мысли, созидающемъ новыя идеи, открывающемъ новыя перспективы. Этотъ рѣдкій даръ проявляется и въ изслѣдованіи о безсубъектныхъ предложеніяхъ, озаглавленномъ «Устраненіе подлежащаго». Уже это заглавіе указываетъ на основную точку зрѣнія и на то направленіе, въ которомъ поведено изслѣдованіе, къ сожалѣнію, сдѣланное лишь вчернѣ. Въ противуположность Миклошичу, Потебня смотритъ на безсубъектность, какъ на явленіе не первичное, не архаическое, и ближайшей задачей его изслѣдованія было — раскрыть субъектное происхожденіе различныхъ безсубъектныхъ оборотовъ. Оттуда сама собою вытекала необходимость выдвинуть впередъ моментъ матеріальнаго содержанія. Изслѣдованіе Потебни открывается анализомъ оборотовъ, подведенныхъ подъ формулу: «безсубъектное сказуемое ощущеній и воспріятій внѣшнихъ явленій» (стр. 405). Этотъ пріемъ, какъ сказано выше, вступаетъ въ свои права, разъ дѣло идетъ не о классификаціи, а о выясненіи происхожденія отдѣльныхъ безсубъектныхъ оборотовъ. Въ нашихъ дальнѣйшихъ изысканіяхъ намъ придется неоднократно обращаться къ изслѣдо-

ванію Потебни, гдѣ, кромѣ глубокихъ мыслей и цѣнныхъ указаній, находимъ важныя данныя для изученія самихъ *синтактическихъ формъ* безсубъектныхъ предложеній.

II.

Обращаясь къ нашей задачѣ — установить *синтактическій* принципъ классификаціи безсубъектныхъ предложеній, мы начнемъ съ указанія на слѣдующее мѣсто въ разсказѣ Тургенева «Собака»:

«И представьте вы себѣ, господа: только-что я задулъ свѣчу, *завозилось* у меня подъ кроватью! Думаю: крыса? Нѣтъ, не крыса: *скребетъ, возится, чешется*... Наконецъ, ушами *захлопало!*».

Субъектныя ли это предложенія или безсубъектныя?—Грамматическаго подлежащаго они не имѣютъ. Они бы его имѣли, если бы Тургеневъ сказалъ: *что-то* завозилось... *что-то* скребетъ... *оно* захлопало ушами. Но этихъ подлежащихъ у Тургенева нѣтъ, — и обороты по праву должны быть признаны безсубъектными. Читая фразу, мы ясно чувствуемъ, что въ ней грамматически апперцепированы *только сказуемыя*, что они-то прежде всего и проявились въ сознаніи, а та точка въ грамматической мысли, гдѣ должно было бы явиться подлежащее, осталась темною, непроявленною. Этотъ процессъ—*обходъ подлежащаго и движеніе мысли прямо къ сказуемому*—и есть основной *синтактическій признакъ безсубъектности*. Но засимъ *степень* безсубъектности можетъ быть весьма различна, находясь въ зависимости отъ участи той точки въ грамматической мысли, гдѣ должно было бы проявиться подлежащее. Если эта точка до конца остается темною, а тѣмъ болѣе если она совсѣмъ исчезаетъ изъ обихода даннаго процесса мысли, то процессъ становится абсолютно-безсубъектнымъ. Такъ въ оборотахъ: *тошнитъ, морозитъ, свѣтаетъ, хочется* и т. д. Здѣсь точка подлежащаго совсѣмъ отсутствуетъ, и ее даже нельзя возстановить искус-

ственно, ибо нельзя сказать: что-то свѣтаетъ, оно морозитъ, это тошнитъ. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду характеръ или строй этихъ оборотовъ въ русскомъ языкѣ; ниже у насъ будетъ рѣчь о нѣмецкихъ и французскихъ оборотахъ типа *es regnet*, *il pleut*, и мы увидимъ, что въ нихъ *es*, *il* совсѣмъ не то, что̀ наши *что-то*, *оно*, *это*. Послѣднія — настоящія мѣстоименія (чего нельзя сказать о нѣм. *es* и фр. *il* въ указанныхъ оборотахъ), а потому, появляясь въ безсубъектномъ предложеніи, они замѣняли бы соотвѣтственное имя и играли бы роль подлежащаго. Замѣтимъ также, что существованіе рядомъ съ безсубъектнымъ соотвѣтствующаго ему субъектнаго, какъ напр. *дождитъ — дожчъ идетъ*, *дожчъ падаетъ* (Лекс. Памвы Берынды), ничуть не доказываетъ, чтобы въ безсубъектномъ сохранялась точка подлежащаго: если говорятъ «дождитъ», то точки подлежащаго нѣтъ, даже какъ темной, и ее нельзя искусственно проявить введеніемъ мѣстоименія; если же говорятъ: дождь идетъ (какъ въ современномъ общерусск. и въ старину: «потомъ найде дъжчь...», «бысть дъжчь съ градомъ...», 1-я Новг. л.), то *въ этомъ оборотѣ*, *въ этомъ процессѣ грамматической мысли* подлежащее на лицо, и это — предложеніе субъектное. Но вѣдь этотъ процессъ — совсѣмъ не тотъ, что̀ въ оборотѣ «дождитъ». Въ послѣднемъ, какъ и въ *морозитъ*, *тошнитъ* и т. д., совсѣмъ пропало не только само подлежащее, но и то мѣсто въ грамм. мысли, гдѣ оно должно было бы находиться и гдѣ нѣкогда оно дѣйствительно и находилось.—Форма «дождь идетъ» могла бы заинтересовать насъ лишь въ томъ случаѣ, если бы мы задались цѣлью возстановить тотъ субъектный оборотъ, изъ котораго могъ возникнуть безсубъектный «дождитъ». Здѣсь лишній разъ подтверждается наше положеніе, что въ дѣлѣ классификаціи и выясненія степени безсубъектности того или другого оборота моментъ матеріальнаго содержанія (которое въ обоихъ—дождитъ и дождь идетъ—одинаково) никакого значенія не имѣетъ.

И такъ, въ абсолютно-безсубъектныхъ оборотахъ, какъ *дождитъ*, *морозитъ* и т. д., грамматическаго подлежащаго, т. е.

производителя признака, даннаго въ сказуемомъ, совсѣмъ нѣтъ. Изъ обихода грамматической мысли въ данномъ случаѣ исчезла сама точка, гдѣ нѣкогда находилось подлежащее, — и нѣтъ возможности его возстановить. Все вниманіе, вся грамматическая апперцепція сосредоточена на сказуемомъ, на признакѣ, въ немъ данномъ.—Не такъ стоитъ дѣло въ вышеприведенномъ мѣстѣ изъ «Собака» Тургенева. Здѣсь производитель признаковъ (завозиться, скрести, чесаться) отсутствуетъ, но его точка въ мысли имѣется и даже стремится проникнуть въ сознаніе. Она темна, но весь интересъ фразы въ томъ-то и состоитъ, чтобы эту точку освѣтить. Подлежащаго нѣтъ, но его ищутъ. Его ищутъ такъ настойчиво, что замѣститель въ родѣ «что-то», «оно» не удовлетворилъ бы. Хотятъ знать доподлинно, кто онъ такой — этотъ производитель данныхъ признаковъ, ищутъ его имени, его грамматической квалификаціи.

Это, стало быть, обороты не абсолютно-безсубъектные. Мы назовемъ ихъ *относительно-безсубъектными.*

Мы только-что говорили объ *исканіи* подлежащаго, о *стремленіи* или *потребности* узнать его и грамматически опредѣлить. Въ этомъ движеніи мысли въ сторону неизвѣстнаго подлежащаго нужно различать моментъ синтактическій и моментъ матеріальнаго содержанія. Послѣдній, опредѣляемый лексическимъ значеніемъ глаголовъ «завозиться», «скрести» и т. д., только указываетъ направленіе, въ которомъ въ данномъ случаѣ должны производиться поиски подлежащаго («думаю: крыса? Нѣтъ, не крыса: скребетъ...»). При другихъ лексическихъ значеніяхъ глаголовъ поиски производились бы въ другомъ направленіи, и результатъ ихъ оказался бы другимъ. Для насъ это безразлично. Но намъ важно отмѣтить присутствіе тутъ *чисто-синтактическаго момента*, состоящаго въ томъ, что въ обиходѣ грамматической мысли оставлено мѣсто для отсутствующаго подлежащаго, и что здѣсь сказывается стремленіе заполнить это мѣсто; въ сознаніи (и именно — въ *грамматическомъ*), можно сказать, подлежащее уже есть въ возможности, но только какъ

форма безъ содержанія, какъ вопросъ: кто? что? На этотъ вопросъ можно бы и сейчасъ отвѣтить, безъ дальнихъ хлопотъ,— мѣстоименіемъ неопредѣленнымъ.

Я нарочито взялъ рѣзкій примѣръ относительной безсубъектности, чтобы тѣмъ яснѣе очертить главный признакъ, на которомъ я строю самое понятіе относительной безсубъектности. Это именно — сохраненіе за подлежащимъ его мѣста въ процессѣ грамматической мысли и возможность апперцепціи подлежащаго въ сознаніи. Если же этой возможности нѣтъ, — оборотъ долженъ быть признанъ абсолютно-безсубъектнымъ.

Изъ существа дѣла вытекаетъ то, что степени относительной безсубъектности могутъ быть весьма различны, и слѣдов. въ языкѣ мы найдемъ цѣлый рядъ разновидностей относительно-безсубъектныхъ оборотовъ. Нѣкоторыя — важнѣйшія — изъ нихъ мы разсмотримъ ниже. А теперь постараемся разобраться въ вопросѣ о томъ,—всегда-ли и вполнѣ-ли одинакова *абсолютная* безсубъектность, или же и здѣсь можно найти кое-какіе оттѣнки?

III.

Такой оттѣнокъ я усматриваю въ нѣм. оборотахъ съ *es* и франц. съ *il*.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти *es* и *il* (въ данныхъ оборотахъ) не являются мѣстоименіями: никакихъ именъ они здѣсь не замѣняютъ, а только исполняютъ особую синтактическую миссію, а именно указываютъ на то, что въ грамм. мысли еще какъ бы чувствуется (хотя и очень слабо) та точка, гдѣ должно было бы находиться подлежащее, и вмѣстѣ съ тѣмъ на то, что говорящій ничуть не заинтересованъ (грамматически) въ томъ, чтобы подлежащее въ самомъ дѣлѣ тамъ проявилось; даже болѣе: *es* и *il* обозначаютъ, что, по глубокому (если позволено такъ выразиться) *грамматическому* убѣжденію говорящаго, подлежащее и

не можетъ тамъ проявиться, что оно — въ этихъ оборотахъ — совсѣмъ и навсегда исчезло. Мы будемъ называть эти *es* и *il* *псевдомѣстоименіями* и *мнимыми синтактическими величинами*.

Здѣсь будетъ у мѣста припомнить важнѣйшія черты изъ исторіи оборота.

Въ готскомъ нѣтъ соотвѣтственныхъ формъ съ мѣстоименіемъ *ita*. Иначе говоря, готское *ita* не выступаетъ еще въ роли псевдомѣстоименія, въ качествѣ мнимой синтактической величины. Да и соотвѣтствующія предложенія тамъ часто еще субъектны: Ioh. XVIII, 18, unte *kald* vas — ὅτι ψῦχος ἦν, гдѣ *kald* есть прилагательное-существительное ср. р. въ значеніи «die Kälte»; оно равносильно греческому сущ. ψῦχος и, какъ и послѣднее, является въ синтактической роли подлежащаго. Готскія безсубъектныя Luc. XVII, 29, *rignida* svibla yah funin... (pluit sulphure et igne) — ἔβρεξε πῦρ καὶ θεῖον (субъектно), — Matth. VI, 7: ...þugkeiþ im... (videtur eis...) — Matth. IX, 17: ...yah baiopum *gabairgada* (et ambobus consulitur) — καὶ ἀμφότερα συντηροῦνται (субъектно), — Ioh. VI, 35: þaúrseiþ mik — διψῶ, — Joh. VII, 37: jabai hvaṇa þaúrsjai.... ἐὰν τις διψᾷ (но Cor. I, 4, 11 þaúrsips visan указываетъ на субъектную форму), — Luc. XIX, 11 ...yah þuhta im (et visum est iis) — διὰ τὸ δοκεῖν αὐτοὺς... Rom. 12,20: *gredo*þ mik — πεινῶ, — Luc. I, 3: *galeikaida* jah mis.... meljan — ἔδοξε κἀμοὶ ...γράψαι... и другія, въ противуположность современнымъ нѣмецкимъ, не имѣютъ мѣстоим. *ita*, такъ что напр. *rignida* = не es regnete, а = *regnete. Впервые псевдомѣстоименіе появляется въ др. - верх. - нѣм. (iz): *iz âbandêt* — vesperascit, но оно можетъ и отсутствовать. Приведу свѣдѣнія, сюда относящіяся, изъ «Grundzüge der Deutschen Syntax» Osk. Erdmann'a (1886 г.), I, 6 — 7: Ahd. steht die 3 sg. ohne Pronomen oft unpersönlich; bisweilen zeigt sich neben ihr ein *iz*, das entweder als Subjectsnominativ (eine Sache als Träger der Handlung andeutend), oder als bloss formale Ergänzung des Satzes gefasst werden kann. Мнѣ кажется, разъ въ гот. имѣ-

емъ уже абсолютно-безсубъектные обороты, какъ rignida, puhta и проч., безъ *ita*, а въ др.-в.-нѣм. на ряду съ формами, заключающими въ себѣ *iz*, извѣстны формы безъ онаго, и вообще это *iz* является необязательнымъ, то едва ли можно говорить о немъ, какъ о *Subjectsnominativ*'ѣ, и слѣдуетъ видѣть въ немъ только *formale Ergänzung des Satzes*, т. е. то, что̀ мы называемъ мнимой синтактической величиной.—По направленію къ новому времени употребленіе псевдомѣстоименія все расширяется. Оно уже очень употребительно въ ср.-в.-нѣм.: ez âbandet, ez regent, отсутствуя (не всегда, впрочемъ) въ тѣхъ случаяхъ, когда дополненіе стоитъ передъ глаголомъ (mich durstet); такъ это въ новомъ нѣмецкомъ. Чередованіе *es hungert mich* и *mich hungert* показываетъ, что *es* есть указаніе или намекъ не на подлежащее, а только на его мѣсто въ грамм. мысли, и этотъ намекъ такъ слабъ и блѣденъ, что грамм. мысль ничего не имѣетъ противъ появленія на указанномъ мѣстѣ дополненія вмѣсто подлежащаго, которое все равно появиться здѣсь не можетъ. Этимъ лишній разъ оттѣняется синтактическая мнимость *es*, которая, съ другой стороны, получаетъ нѣкоторое освѣщеніе черезъ сопоставленіе съ *es* въ роли формальнаго дополненія, напр. въ *es treiben* (wie man es treibt....). *H. Paul* (Mittelhochdeutsche Grammatik, стр. 82) говоритъ: wie ëz als formelles subject des unpersönlichen satzes fungiert, so kann es auch für ein ganz unbestimmtes object gebraucht werden, напр. *ëz rûmen* (platz machen, sich entfernen), ëz *heben* (den anfang machen), *ëz wol tuon*, *ëz guot tuon* (sich auszeichnen) и т. д. Нетрудно видѣть, что здѣсь *ëz* въ роли формальнаго дополненія есть синтактическая величина совершенно мнимая: оно лишь указываетъ на ту—темную—точку въ грамм. мысли, гдѣ должно было бы проявиться дополненіе, если бы оно было; оно (ëz) указываетъ также и на то, что этого дополненія нѣтъ. И здѣсь *ëz* есть такое-же *псевдомѣстоименіе*, какъ и въ роли такъ называемаго «формальнаго подлежащаго». Мнимость этой синтактической величины явственно обнаруживается еще тѣмъ, что часто нельзя съ полной увѣренностью опредѣлить, чье

мѣсто она замѣщаетъ,—мѣсто ли подлежащаго, или дополненія, или обстоятельства. Такъ въ *ihn jammert es* (въ противоположность *ihn jammert des Volkes*[1]) можно, если не ошибаюсь, колебаться между пониманіемъ *es*, какъ «формальнаго субъекта», и его пониманіемъ, какъ формальнаго дополненія. Въ *es wurde (hart) gekämpft* Эрдманнъ склоненъ понимать *es*, какъ (фиктивное) нарѣчіе (обстоятельство): «in diesen Fällen diente das *es*, welches vielleicht nicht als Nominativ, sondern als accusativisches Adverb aufzufassen ist, nur zur formalen Ergänzung des Satzes...» (ib., стр. 8).

Это колебаніе, это какъ бы перескакиваніе *es* изъ одной категоріи въ другую служитъ характернымъ признакомъ того, что̀ мы называемъ синтактической мнимостью. Сюда же нужно отнести и плеонастическое употребленіе *es*: *es* ist ein Gott, *es* war einmal ein König. Это — какъ бы фикція безсубъектности или поддѣлка субъектнаго оборота подъ безсубъектный (по образцу *es giebt...*). Возможность такой «поддѣлки» ясно показываетъ, что *es* не является выраженіемъ опредѣленнаго синтактическаго момента, что оно — форма безъ содержанія, т. е. величина мнимая.

Во французскомъ псевдомѣстоименіе *il* изрѣдка встрѣчается уже въ древнѣйшихъ текстахъ, но рядомъ и чаще мы находимъ тамъ безсубъектные обороты безъ *il*, при чемъ послѣдніе представляются болѣе примитивными. Извѣстный оборотъ *il y a* въ древнѣйшихъ текстахъ лишь крайне рѣдко содержитъ въ себѣ псевдомѣстоименіе *il*, которое утвердилось въ немъ не раньше XII-го в.—Приведу образцы изъ «Chanson de Roland».

Оборотъ *il y a...* безъ псевдомѣстоименія *il* и безъ нарѣчія *y*:

Envirun lui *ad* plus de vint milie humes (стихъ 13) — «вокругъ него есть (имѣется) болѣе 20 тыс. человѣкъ».

Set anz *ad* pleins... (197) — «прошло 7 полныхъ лѣтъ...».

---

1) Примѣръ взятъ у Erdmann'a (о. с., стр. 7—8).

Meillur vassal *n'aveit* en la curt nul (232) — «не было лучшаго вассала при дворѣ».

Un faldestoel *out* suz l'umbre d'un pin... (407) — «былъ тронъ подъ тѣнью сосны».

Noble barun *ad* ci! (467) — «Вотъ это благородный баронъ!».

N'*ad* tel vassal... (545) — «нѣтъ такого вассала...».

Meillur vassal n'*out* en la curt de lui (775) — «лучшаго вассала не было при его дворѣ».

N'*ad* plus felon... (910) — «нѣтъ (человѣка) болѣе беззастѣнчиваго...».

En tel bataille n'*ad* cure de bastun (1361) — «въ такомъ сраженіи нужны не палки, а...».

Sunez vos graisles tant que en ceste ost *ad* (2110) — «трубите въ рога, сколько ихъ есть въ этомъ войскѣ».

Suz ciel n'*ad* gent que... (3031) — «подъ небомъ нѣтъ народа, котораго...».

Оборотъ, какъ извѣстно, возводится къ народному и позднему латинскому *habet* съ вин.: habet hominem = др. фр. ad home (вин.). Безсубъектность оборота уже въ латинской формѣ несомнѣнна. И когда стали вводить въ его франц. форму псевдомѣстоименіе *il*, этому послѣднему уже нечего было замѣнять: подлежащаго давно уже тамъ не было.

Раньше мѣстоименія *il* было введено сюда нарѣчіе *i*, которое сперва могло и не быть мнимымъ. Въ слѣдующихъ примѣрахъ оно болѣе или менѣе явственно сохраняетъ свое обстоятельственное значеніе:

Des Francs de France en *i ad* plus de mil (178) — «*тамъ* (или *здѣсь*) есть (имѣется на-лицо) болѣе 1000 французовъ изъ Франціи».

N'*i ad* celui ki mot sunt ne mot tint... (411) — буквально: «нѣтъ *тамъ* (*тутъ*, среди 1000 сарацинъ, о коихъ говорится въ предыдущемъ стихѣ 410-мъ) такого, который бы произнесъ слово или провозгласилъ слово...».

Un faldestoel *i out* d'un olifant (609) — «тамъ былъ тронъ изъ слоновой кости».

Un amirafle *i ad* de Balaguer (894)—«*тамъ* есть одинъ эмиръ изъ Балагера».

Un almaçur *i ad* de Moriane (909)—«*тамъ* есть одинъ альмасуръ изъ Моріаны».

Pierre n'*i ad* que tute ne seit neire (982)—«*тамъ* нѣтъ камня, который весь не былъ бы чернымъ». Обстоятельственное значеніе нарѣчія *i* въ этомъ стихѣ съ совершенною очевидностію явствуетъ изъ такового же значенія *i* въ двухъ стихахъ, непосредственно предшествующихъ (980, 981), гдѣ нар. *i* стоитъ при другихъ глаголахъ въ оборотахъ субъектныхъ: Soleilz n'*i* luist, ne blez n'*i* poet pas creistre — Pluie n'*i* chiet, rusée n'*i* adeiset — «Солнце *тамъ* не свѣтитъ, ни хлѣбъ не можетъ *тамъ* расти, дождь *тамъ* не падаетъ, роса *тамъ* не касается (земли)».

Cel n'en *i ad* Munjoie ne demant (1482)—«*тамъ* нѣтъ между ними такого (человѣка), который не кричалъ бы: Munjoie!» [1]).

Cel n'en *i ad* ki ne criet: Marsilie! (1618) — «между ними (сарацинами) нѣтъ *тамъ* такого, который не кричалъ бы: Marsilie!» [2]).

Mult grant dulur *i ad* de chrestiens (1679) — букв. «очень большое страданіе *тамъ* (въ описываемомъ сраженіи) есть у христіанъ».

Mult grant damage *i out* de crestiens (1885) — букв. «очень большой ущербъ (уронъ) *тамъ* (въ описываемомъ сраженіи) былъ у христіанъ».

Vedéir puez les granz chemins puldrus,
Qu'asez *i ad* de la gent paienur (2426 — 2427) — букв.:
«Можете видѣть большія пыльныя дороги,
«Что довольно *тамъ* есть языческаго народа».

Livrent lur prez: assez *i ad* fresche herbe (2492) — «предо-

1) Военный крикъ и лозунгъ.
2) Имя сарац. царя.

ставляютъ имъ (конямъ) луга (пастбища): довольно есть *тамъ* (на этихъ лугахъ) свѣжей травы».

Grifuns *i ad* plus de trente milliers,

Nen *i ad* cel à Franceis ne se giet (2544 — 2545) — (Сонъ Карла: ему снятся разныя чудовища, въ томъ числѣ:)

«*тамъ* есть болѣе 30,000 грифоновъ,

«нѣтъ между ними (*i*, — всѣми этими чудовищами) такого, что̀ не бросилось бы на французовъ».

Cuntes e dux *i ad* bien ne sai quanz (2650) — (эмиръ сходитъ съ корабля, за нимъ слѣдуютъ 17 королей, а также:) «графовъ и дюковъ *тамъ* (въ этой свитѣ) есть много, не знаю сколько».

Jo ai cuntet n'*i ad* que set liwées — «Я сосчиталъ: всего *здѣсь* есть 7 льё».

Deus! tantes hanstes *i ad* par mi brisiées (3386) — «Боже! столько копій *здѣсь* есть разломанныхъ пополамъ...».

N'en *i ad* cel sa lance n'i empleit (3418) — «нѣтъ между ними *тамъ* такого, который бы тамъ не дѣйствовалъ своимъ копьемъ». — Здѣсь обстоятельственное значеніе перваго *i* (при *ad*) подкрѣплено таковымъ же значеніемъ второго *i* (при empleit).

Des francs baruns *i ad* mult grant damage (3479) — букв. «*тамъ* (въ описываемомъ сраженіи)[1]) есть (происходитъ) очень большой уронъ у французскихъ бароновъ».

Doel *i avrat*... (3480) — «скорбь *тамъ* (въ томъ же сраженіи или, можетъ быть, въ этотъ день) будетъ...».

S'or *i ad* cel ki... (3669) — «если же *между ними* (*i*, — язычниками) есть (окажется) такой, который...».

Un en *i ad* à qui li altre entendent (3782) — «Одинъ между ними (en) *тамъ* есть, которому повинуются другіе».

Asez *i ad* Alemans... (3795) — «много *тамъ* есть нѣмцевъ...».

Nen *i ad* cel... (3805) — «нѣтъ *между ними* (*i*) такого...».

---

1) Или (судя по контексту), можетъ быть, «въ этотъ день».

Trente en *i ad* d'icels... (3958) — «30 изъ нихъ *тамъ* есть такихъ (что̀ были повѣшены)». — Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сочетаніе *en i*, повидимому, приводитъ не къ ослабленію, а скорѣе къ усиленію значенія *i*.

Въ другихъ случаяхъ это нар. *i* уже лишено опредѣленнаго обстоятельственнаго значенія, и оборотъ *i ad* равносиленъ одному *ad*—«есть», «имѣется». Напр.:

Tant ne l'vus sai ne preisier ne loer

Que plus n'*i ad* d'honur e de bontet (533—534)—«я не умѣю достаточно оцѣнить его передъ вами и восхвалить, потому что *нѣтъ* больше чести и доброты» (т. е. ни у кого больше, чѣмъ у него, Карла). Ясно, что *i* не значитъ напр. «здѣсь» или «въ немъ», и вообще никакого, сколько-нибудь замѣтнаго, обстоятельственнаго значенія придать ему нельзя.

N'*i ad* paien ne l'prit e ne l'aürt (854) — «*нѣтъ* язычника (не спеціально «тутъ» или «тамъ», а вообще), который бы не молился ему и не почиталъ бы его (Магомета)».

N'*i ad* paien de tel chevalerie (960) — «нѣтъ (вообще) язычника столь рыцарственнаго духа (какъ Маргаритъ Севильскій)».

Morz est li quens, de sun tens n'*i ad* plus (1560) — «умеръ графъ, его жизни (букв. времени) нѣтъ больше» (отъ его времени [жизни] ничего не осталось).

Se Carles vient, de nus *i avrat* perte (2117) — «если Карлъ прійдетъ, будетъ наша гибель (мы погибли)».

N'*i ad* Franceis, se à lui vient juster,

Voeillet o nun, n'i perdet sun edet (3169 — 3170) — «*Нѣтъ* (вообще) (такого) француза, который, если бы явился сразиться съ нимъ, волей-неволей не потерялъ бы своей жизни».

N'*i ad* Franceis ki... (3789)—«нѣтъ (вообще) француза, который...».

Qu'il fiert à colp, de sun tens n'*i ad* mais (3840) — «Кого онъ поразитъ ударомъ, у того ужъ нѣтъ болѣе жизни (времени)».

Библиотека ООН

Псевдомѣстоименіе *il* въ разсматриваемомъ оборотѣ попадается крайне рѣдко. Мнѣ удалось отмѣтить лишь слѣдующіе три случая:

Il nen *i ad* ne veie ne sentier...

. . . . . .

Que *il* n'*i ait* o Franceis o paien (2399 — 2401).

«Нѣтъ ни дороги, ни тропинки... гдѣ бы не было (труповъ) французовъ или язычниковъ».

Il nen *i ad* chevalier ne barun

Que de pitiet mult durement ne plort (2418—2419).

«Нѣтъ ни рыцаря, ни барона, который бы отъ жалости не плакалъ горько».

Нѣсколько чаще встрѣчается *il* въ другихъ безсубъектныхъ оборотахъ, именно при *poet*, *cuvient*, *estoet* и проч. Напр.: *Il* ne *poet* estre qu'il seient desevret (3913) — «не можетъ быть (случиться), чтобы они (сражающіеся) были разлучены». [Но тутъ же, 3914: seinz hum mort ne *poet* estre afinet — «безъ смерти человѣка (одного изъ нихъ) не можетъ (дѣло, безсуб.) окончиться», гдѣ нѣтъ *il*].—*Il* est *jugiet* que nus les ocirun (884) — «рѣшено, что мы ихъ убьемъ». — De cele part n'*estoet il* rien douter (LXXI, 3) — «съ этой стороны нечего опасаться». — Cument qu'*il seit* (3522) — «что бы ни было». — Очень можетъ быть, что въ этихъ оборотахъ *il* еще сохраняло (иногда) долю мѣстоименнаго значенія.

При оцѣнкѣ синтактической роли этого *il* (въ безсуб. предложеніяхъ) нужно принять въ соображеніе слѣдующія данныя.

Не взирая на аналогію съ нѣм. *es* (il pleut = es regnet), романисты отказываются видѣть въ формѣ *il* мѣстоименіе *средняго рода* и возводить его къ лат. *illud*. Послѣднее должно было бы дать* *el* (а не *il*). *Il* можно вывести изъ лат. (поздняго) *illi*, передѣланнаго изъ *ille* по аналогіи съ *qui*. Стало быть, этимологически *il* является формою муж., а не средн. рода. *A. Darmestéter* называетъ его поэтому «un neutre logique et non un neutre grammatical». («Cours de grammaire historique de la lan-

gue française», II, 105) и объясняетъ, какъ это дѣлаютъ и другіе (Brunot, «Précis de grammaire historique de la langue française»[3], стр. 456), его появленіе въ безсубъектныхъ предложеніяхъ въ XII в. тѣмъ, что въ эту эпоху возникло обыкновеніе ставить личныя мѣстоименія вообще при глаголахъ, что̀ раньше не было обязательно. «Du jour où l'on dit *il vient, il débarque*, il dut paraître dur de dire *pleut, i a gens* (Darm. ib.). Тѣмъ не менѣе въ безсубъектныхъ оборотахъ формы безъ *il* продолжаютъ употребляться довольно часто — вплоть до XVI вѣка.

Само по себѣ это объясненіе представляется мнѣ довольно правдоподобнымъ. Но оно недостаточно: если внести сюда одну, на первый взглядъ, лишь терминологическую поправку, то весь вопросъ окажется значительно сложнѣе и потребуетъ болѣе глубокаго изслѣдованія. *Ars. Darmestéter* (какъ вообще французскіе ученые) называетъ *логическимъ* то, что̀ никоимъ образомъ къ логическому мышленію не относится и цѣликомъ умѣщается въ предѣлахъ мышленія грамматическаго. Въ логическомъ мышленіи нѣтъ грамматическихъ категорій вообще, и всего менѣе можно разсчитывать найти тамъ такую, какъ напр. *средній родъ именъ и мѣстоименій*. Поэтому, выраженіе «un neutre logique» есть «contradictio in adjecto». И если *il* въ безсубъектныхъ оборотахъ воспринимается сознаніемъ какъ *средній родъ*, то это сознаніе есть *грамматическое, а не логическое*. Мы скажемъ такъ: *этимологически il* (въ безсубъектныхъ оборотахъ) возводится не къ лат. *illud* сред. р., а, положимъ, къ **illi* (изъ *ille*) муж. р., но это только вопросъ его происхожденія, — *синтактически* же оно безспорно представляетъ собою *форму средняго рода*. И, конечно, при первомъ же появленіи своемъ въ разсматриваемыхъ оборотахъ оно уже ощущалось какъ средній родъ, а не мужескій. Это, конечно, въ нѣкоторой степени ослабляетъ силу той аналогіи съ употребленіемъ мѣстоименій личныхъ при глаголахъ, вліянію которой приписываютъ его появленіе въ безсубъектныхъ предложеніяхъ: *il* vient значитъ *er* kommt, но *il* pleut всегда значило *es* regnet. Тѣмъ не менѣе, я не буду отрицать

этого вліянія «личныхъ» глаголовъ на «безличные»; оно могло имѣть мѣсто, въ особенности — въ виду внѣшняго совпаденія обоихъ *il*. Но *главная* причина появленія *il* въ безсубъектныхъ предложеніяхъ скрывается не тутъ.

Мѣстоименія сред. р., какъ синтактическая категорія, уже существовали во Франц. языкѣ въ первое же время его обособленія. Вторженіе одного изъ нихъ въ безсубъектные обороты не было сперва синтактической необходимостью, какъ и въ нѣмецкомъ; оно совершалось спорадически и постепенно, въ силу смутнаго, безотчетнаго стремленія говорящихъ отмѣтить въ грамматической мысли точку отсутствующаго подлежащаго. Это стремленіе вытекало изъ того, что, при всей абсолютной безсубъектности оборотовъ, въ нихъ еще чувствовалось—не самое подлежащее, — а его мѣсто. Въ этомъ я и вижу нѣкоторый оттѣнокъ въ абсолютной безсубъектности оборотовъ съ псевдомѣстоименіемъ сравнительно съ тѣми, въ которыхъ послѣдняго нѣтъ. Со стороны матеріальнаго содержанія между тѣми и другими формами нѣтъ никакой разницы, и напр. «морозитъ», gelat выражаютъ то же самое, что̀ и *es friert*, *il gèle*. Различіе между ними только формальное синтактическое. Для практическихъ цѣлей рѣчи (для обмѣна мыслью) это различіе никакого значенія не имѣетъ. Но въ психологіи языка, въ общемъ развитіи грамматическаго мышленія и въ сферѣ отношеній послѣдняго къ мышленію высшему, надграмматическому созданіе новаго оборота, новой синтактической формы, новой морфологической категоріи являются фактами первостепенной важности. Въ данномъ случаѣ, т. е. въ вопросѣ о грамматической безсубъектности, мы имѣемъ дѣло съ устраненіемъ подлежащаго. Этотъ процессъ по праву долженъ быть разсматриваемъ, какъ одно изъ любопытныхъ проявленій общаго движенія грамматической мысли, развивающейся (какъ это впервые раскрыто глубокими изслѣдованіями Потебни) въ направленіи отъ мышленія грамматическими категоріями субстанціи (имени) къ мышленію грамматическими категоріями дѣйствія, дѣятельности, процесса (глагольными и

оглаголенными формами). Эта грамматическая эволюція, совершающаяся въ языкахъ со временъ незапамятныхъ, служитъ естественнымъ психологическимъ основаніемъ для аналогичной эволюціи высшаго, надграмматическаго мышленія, гдѣ мы явственно наблюдаемъ постепенный, вѣками совершающійся переходъ отъ категоріи «субстанціи» къ категоріи «процесса», отъ идеи матеріи къ идеѣ силы. Внутренняя, психологическая связь между высшимъ (логическимъ) мышленіемъ и грамматическимъ есть одинъ изъ основныхъ и важнѣйшихъ вопросовъ психологіи мысли. Онъ не только еще очень далекъ отъ рѣшенія, но даже не получилъ еще первоначальной постановки, безъ которой нельзя начать разрабатывать его. Въ интересахъ такой постановки я считалъ бы нелишенною значенія мысль, гласящую такъ: *логическое мышленіе развивается и организуется на счетъ умственной силы, сберегаемой въ мышленіи грамматическомъ.*

Къ числу процессовъ, сберегающихъ умственную силу, нужно отнести въ языкахъ появленіе *грамматическихъ фикцій и мнимыхъ величинъ* и затѣмъ *устраненіе* въ томъ или иномъ оборотѣ *той или иной грамматической категоріи:* фикціи и мнимыя величины суть такія формы грамматической апперцепціи, въ которыхъ *сознательная* сторона процесса (являющаяся по преимуществу *тратою* силы) доведена до извѣстнаго минимума,—устраненіе же категоріи есть устраненіе самой апперцепціи, а, стало быть, и сопряженной съ нею траты, хотя бы и минимальной. Съ этой точки зрѣнія, обороты «морозитъ», «свѣтаетъ», *diluculat, gelat, rorat* и т. д. представляются болѣе совершенными, больше сберегающими, чѣмъ *il pleut, il gèle, es regnet* и т. д., гдѣ даны мнимыя величины. Но, я думаю, такое впечатлѣніе обманчиво. Въ этомъ вопросѣ нужно сперва отдѣлить современные (славянскіе, итальянскіе и др.) обороты безъ псевдомѣстоименій отъ совпадающихъ съ ними по внѣшности древнихъ (латин., греч., санскр. и др.), относительно которыхъ мы не можемъ съ полной увѣренностью утверждать, что они не были — въ практикѣ рѣчи—мысли сопровождаемы, хотя бы и смутнымъ,

представленіемъ миѳическаго дѣятеля. Объ этомъ у насъ будетъ рѣчь ниже. Далѣе, ограничиваясь современными безсубъектными оборотами типа «морозитъ», абсолютная безсубъектность которыхъ внѣ сомнѣнія, и сравнивая ихъ съ оборотами типа «es regnet», «il pleut», мы должны, прежде чѣмъ вынести синтактическій приговоръ о тѣхъ и другихъ съ вышеуказанной точки зрѣнія, сперва вникнуть нѣсколько глубже въ роль и значеніе мнимыхъ величинъ. *Цѣнность для мысли мнимыхъ грамматическихъ величинъ сводится не только къ тому, что онѣ мало тратятъ, но также и по преимуществу къ тому, что, тратя мало, онѣ дѣлаютъ много.* Какую именно работу исполняютъ *es* и *il* въ данныхъ оборотахъ, — это мы старались разъяснить выше: они далеко не «безмолвствуютъ», и ихъ отнюдь нельзя упрекнуть въ «ничего не дѣланіи», — нѣтъ, — они «говорятъ», что слѣдъ мѣста отсутствующаго подлежащаго еще ощущается, но что этого подлежащаго нѣтъ и не нужно, — далѣе, своею формою *псевдомѣстоименія средняго рода* они *рѣшительно отрицаютъ* это подлежащее, какъ дѣятеля [1]), — наконецъ, становясь на его мѣсто, такъ сказать, обрываютъ нить традиціи, восходящей къ миѳическому дѣятелю, болѣе рѣшительно, чѣмъ это дѣлаетъ оборотъ безъ псевдомѣстоименія простымъ устраненіемъ подлежащаго. Замѣтимъ между прочимъ, что даже послѣдній оборотъ, не содержа въ себѣ мнимой величины — псевдомѣстоименія, не обходится однако безъ извѣстной *фикціи*, именно — фикціи *средн. рода: морозитъ — морозило.* Здѣсь какъ разъ у мѣста будетъ вспомнить о спорадическихъ попыткахъ кое-гдѣ въ славянскихъ языкахъ ввести псевдомѣстоименіе, какъ въ разсматриваемый оборотъ, такъ и въ другіе. Уже Миклошичъ отмѣтилъ въ нижнелуж. формы, какъ *wono* jo wosym wotbito — es hat acht uhr geschlagen (Vergl. Synt., стр. 352 и «Subjectlose Sätze», стр. 44). Это приписываютъ вліянію нѣмецкаго, съ чѣмъ, повидимому, согласны Потебня («Изъ Зап.» III, 405) и Ягичъ («Beiträge zur

1) Потебня: «Средній родъ, какъ отрицаніе, знаменуетъ... новый шагъ мысли... («Изъ Записокъ» III, стр. 404; ср. все мѣсто, стр. 403—406).

slavischen Syntax», Denkschriften der K. Акад. d. Wiss., Wien 1900, XLVI B., стр. 14: Es ist ein Beweis fremder Denk- und Ausdrucksweise, wenn auch in einigen slavischen Sprachen zum Verbum noch *wono, ono, to* hinzugefügt wird). Но фактъ иноземнаго вліянія нисколько не подрываетъ психологическаго значенія самого процесса. Если лужичанинъ говоритъ *wono so błyska* и *wono hrima* не въ силу слав. традиціи, а въ силу подражанія нѣмецкимъ *es blitzt* и *es donnert* (Ягичъ, l. c.), то это ничуть не мѣшаетъ лужицкому *wono* исполнять ту же грамматическую роль и оказывать тѣ же услуги мышленію, какую играетъ и какія оказываетъ нѣмецкое *es*. Подражаніе и заимствованіе — училъ Потебня — есть только особый видъ творчества. Но, помимо того, мы имѣемъ въ малорусс. псевдомѣстоименіе *воно*, появившееся тамъ независимо отъ чужихъ вліяній. Потебня приводитъ: «*воно* сёму правда», «*воно* такъ и е», «Под бѣлою березою козаченьку вбито, — *Ено* его вбито да закинуто въ жито», а также указываетъ на употребленіе «*оно*» у Гоголя («*Оно*, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому *похвально*...» и др., l. c. 405). Ягичъ приводитъ: «какъ подумаешь объ жизни, объ своей, такъ *оно* и выходитъ, что своя рубашка къ тѣлу ближе».—Онъ указываетъ также на аналогичные случаи (съ *to*) въ чешскомъ, гдѣ они признаются германизмами.

Самобытно-ли, или подъ иноземнымъ вліяніемъ возникаютъ такія явленія, они во всякомъ случаѣ знаменательны. Они показываютъ, что мнимыя величины (въ частности псевдомѣстоименіе) — это нѣчто нелишнее, желательное и полезное въ экономіи грамматическаго мышленія.

Въ разсмотрѣнныхъ выше безсубъектныхъ оборотахъ съ псевдомѣстоименіями *es, il, wono, воно, оно* эти мнимыя величины дѣлаютъ въ своемъ родѣ большое дѣло, но совершенно незамѣтно, необременительно для сознанія, и тратятъ, повидимому, только тотъ минимумъ силы, какой нуженъ для ихъ артикуляціи.

IV.

Теперь обратимся къ явленію *относительной безсубъектности*. Мы не задаемся цѣлью обозрѣть это явленіе во всемъ объемѣ его и выяснить его роль и значеніе въ экономіи грамматическаго мышленія. Наша задача ограничивается пока разсмотрѣніемъ лишь немногихъ разновидностей оборота въ интересахъ лучшаго выясненія самого понятія относительной безсубъектности.

Сюда, какъ я думаю, нужно отнести такъ назыв. «неопредѣленно-личныя» предложенія, каковы съ одной стороны наши «говорятъ», «пишутъ», «здѣсь не курятъ», «тише ѣдешь—дальше будешь» и т. д., а съ другой — нѣмецкіе съ *man* (*man sagt*) и франц. съ *on* (*on dit*).

Эти обороты я считаю не абсолютно—, а *относительно* — безсубъектными потому, что, очевидно, есть замѣтная разница, по синтактическому смыслу и характеру, между «говорятъ» и «морозитъ», между *man sagt* и *es regnet*, между *on dit* и *il pleut*. Въ *морозитъ*, *es regnet*, *il pleut* подлежащаго совсѣмъ нѣтъ,— въ нихъ дѣятель, производящій признакъ, данный въ сказуемомъ, отсутствуетъ и даже отрицается, такъ что здѣсь немыслимъ вопросъ: кто? что? — Иную картину являютъ намъ такъ назыв. «неопредѣленно-личныя» предложенія. При «говорятъ», *man sagt*, *on dit* вопросъ «кто?», можетъ быть, излишенъ, но далеко не невозможенъ. Мало того, эти обороты (если не ошибаюсь, въ особенности французскій съ *on*) нерѣдко употребляются въ значеніи, которое уже не можетъ быть названо «неопредѣленно-личнымъ», но соединено съ представленіемъ вполнѣ опредѣленнаго лица; такъ по-французски можно сказать *on va lire* въ смыслѣ «мы (здѣсь присутствующіе, или вы да я) будемъ читать»; ребенокъ говоритъ другому: *on va jouer?* — «будемъ играть?»—Въ такихъ случаяхъ подлежащее, замѣщенное мѣсто-

именіемъ *on*, отсутствуетъ только внѣшнимъ образомъ; оно не исчезаетъ изъ сознанія говорящаго и дано тамъ въ формѣ опредѣленнаго представленія; но только говорящій оставляетъ это представленіе какъ бы въ тѣни, и здѣсь оно еще тусклѣе, чѣмъ въ *nous* allons lire (jouer); интересъ грамматической мысли сосредоточенъ въ сказуемомъ, и поскольку такое сосредоточеніе ведетъ къ затемненію подлежащаго, постольку эти формы перестаютъ быть субъектными въ собственномъ смыслѣ.— Такъ-же точно и при неопредѣленно-личномъ употребленіи этихъ оборотовъ ихъ относительная безсубъектность сводится къ *обходу* (а не устраненію или исчезновенію) подлежащаго. Этотъ *обходъ* въ нашихъ «говорятъ», «просятъ не курить» сказался формальнымъ опущеніемъ подлежащаго, а въ *man sagt*, *on dit* — замѣною существительныхъ Mann и homme (hum) возникшими изъ нихъ неопредѣленными мѣстоименіями *man* и *on*. Отъ абсолютно-безсубъектныхъ «морозитъ» и пр. относительно-безсубъектные типа «говорятъ» отличаются еще тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ фикціи *средняго рода;* нѣмецкіе съ *man* и франц. съ *on* въ свою очередь отличаются отъ абсолютно-безсубъектныхъ съ *es*, *il* тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ *мнимой величины: man* и *on* — не псевдомѣстоименія, а *настоящія* мѣстоименія.

Обходъ подлежащаго можетъ имѣть весьма различный смыслъ, и побужденія, къ нему приводящія, бываютъ крайне разнообразны, но конечный результатъ во всѣхъ случаяхъ сводится къ одному: *къ сбереженію извѣстной части умственной силы черезъ опущеніе грамматической апперцепціи подлежащаго.*

Въ ряду побужденій къ обходу подлежащаго отмѣтимъ:

1) *Ненадобность опредѣленнаго обозначенія дѣятеля:* «говорятъ», «просятъ не курить», «здѣсь не курятъ» и т. д.; «И бысть дорогъвь Новегородѣ: и *куплюху* кадь ржи по 4 гривнѣ...» (1-я Новг. л., подъ 1170 г.); «томь же лѣтѣ *заложиша* церковь» (Тамъ же, п. 1172 г.).

2) *Умолчаніе* о дѣятелѣ, оттѣняющее мысль, что онъ неизвѣстенъ, скрытъ, таинственъ; этотъ оттѣнокъ ясно сказывается въ оборотахъ, передающихъ слухи, толки, вѣсти, неизвѣстно кѣмъ пущенные, откуда и какъ распространившіеся, напр.: «.... въ 23 того же мѣсяца пополошишася людье [*субъектно*, чѣмъ еще рѣзче оттѣняется непосредственно слѣдующее:] *сългаша* бо [*безсубъектно*: не тѣ-же *людье*, а неизвѣстно кто, какіе-то злоумышленники], яко Святопълкъ у города съ Пльсковици....» (1-я Новг. л. п. 1138 г.).

3) *Умолчаніе* о дѣятелѣ въ силу того, что онъ достаточно ясенъ изъ матерьяльнаго значенія сказуемаго. Сюда принадлежитъ извѣстная въ нашихъ старинныхъ грамотахъ формула «*пишетъ*», напр.: «...а восе, господине (судья), грамота (на которую ссылается одна изъ тяжущихся сторонъ) передъ тобою, и судия взритъ въ грамату и въ грамотѣ *пишетъ*....» (Лихачевъ, Сборникъ актовъ, стр. 132). При «пишетъ» субъектъ, конечно, не «судья», а подразумѣвается лицо, писавшее грамоту; оно, въ данномъ случаѣ, само по себѣ не важно, а важно только то, что написано въ грамотѣ. Этотъ оборотъ можно сопоставить съ современными «въ грамотѣ пишутъ», или «въ грамотѣ написано», но, по характеру или степени относительной безсубъектности, онъ все-таки разнится отъ нихъ тѣмъ, что форма *единственнаго числа* глагола дѣйств. невольно должна была направлять мысль въ сторону подлежащаго. Приведу еще нѣсколько обращиковъ этой формы: «И писци возрилие(ь) в грамоты, и в купчей грамоте *пишетъ*: се яз...» (тамъ же, стр. 138; правая грам. 1505 г.).— «А в жаловальной грамоте *пишетъ*... (тамъ же).— И судьи возрятъ въ список и въ спискѣ *пишетъ*: по великого князя грамотѣ...» (тамъ же 156; 1529 г.).— «И судья возрѣв грамоту и въ грамотѣ *пишетъ*: си суд судил Михаило...» (тамъ же 157).— «И судьи возрят в список з грамоты, и в списку *пишетъ*: по великого князя слову...» (тамъ же 168).— «И судьи велѣли передъ собою списокъ чести, и въ списку *пишетъ*: лѣта 7030 седмаго...» (тамъ же 177. Пров. Грам. 1530 г.).— «И судьи возрили в ду-

ховную грамоту и в духовной *пишетъ*: благословилъ есми...» (тамъ же, 182; Пр. Грам. 1531 г.).—Встрѣчается и чередованіе съ страдательнымъ оборотомъ: «И писцы велѣли перед собою грамоту чести и в грамоте *пишет*» (стр. 206), а далѣе: «И царь и великіи князь велѣл передъ со бою грамоту чести; и в грамоте *написано*: царь и великіи князь...» (стр. 212. Прав. Грам. 1551 г.).—«И Данило Романовичъ, выслушев сѣ два списка, вспросил обоих истцев: был лы вам таков суд, какъ въ сѣх обоих списках *пишетъ?* И оба истцы сказали, что им обоим истцем суд таков был, как в сѣх спискех *писано* (тамъ же, 231).

Такія чередованія показываютъ, что данный оборотъ становился все безсубъектнѣе. Но первоначально его безсубъектность была очень относительна,—можно сказать, она была лишь кажущеюся, какъ въ соотвѣтственныхъ греческихъ оборотахъ, отзывающихся большой архаичностью, напр.: ἐπειδὰν δὲ σημήνῃ τῷ κέρατι (Anab. II, 2, 4),—ἐπεὶ ἐγίγνωσκον αὐτοὺς οἱ Ἕλληνες βουλομένους ἀπιέναι, ἐκήρυξε (sc. ὁ κῆρυξ) τοῖς Ἕλλησι συσκευάσασθαι (ib. III, 4, 36; приведено у *Kühner-Gerth*, II, 32); также ἐσάλπιγξε (т. е. ὁ σαλπιγκτής), у Гомера—οἰνοχοεύει (т. е. ὁ οἰνοχόος) (Kün.-Gerth, ib.).—Подлежащее здѣсь не устранено,—оно только не названо; его мѣсто въ грамм. мысли еще за нимъ, но въ моментъ рѣчи это мѣсто остается сперва въ тѣни и освѣщается только тогда, когда проявится въ сознаніи моментъ сказуемаго. Этотъ процессъ хорошо поясняется аналогичными оборотами (субъектными) въ древне-еврейскомъ, гдѣ къ сказуемому, достаточно ясно указывающему на подлежащее, присоединяется выражающее его (подлеж.) причастіе того-же глагола, который взятъ въ сказуемомъ, напр. יִדְרֹךְ הַדֹּרֵךְ—jiδroχ haddoreχ (Ies. 16, 10)—der Kelterer keltert (точнѣе: Keltert der Kelternde) für «man keltert» (Gesenius-Rödiger, Gramm.[16], 254, Anm. 2)[1]).

1) Разсмотрѣніе соотвѣтственныхъ санскр. оборотовъ войдетъ въ одинъ изъ дальнѣйшихъ этюдовъ.

4) Обходъ подлежащаго связанъ съ оттѣнками *общераспространенности*, *обычности*, *обязательности*, *необходимости* того, что̀ выражено сказуемымъ: «обыкновенно *говорятъ*, что....», «по платью *встрѣчаютъ*, по уму *провожаютъ*», «тише *ѣдешь* — дальше *будешь*», «а жизнь, какъ *посмотришь* съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, такая пустая и глупая шутка» (Лерм.) и т. д.

Для изученія явленія относительной безсубъектности въ его происхожденіи и развитіи большой интересъ представляютъ древнѣйшіе образцы тѣхъ оборотовъ, которые впослѣдствіи стали абсолютно-безсубъектными. Сюда нужно отнести греч. ὗει. Въ эпоху, когда говорили Ζεύς ὗει (Il. XII, 25: ὑε δ'ἄρα Ζεύς; также Od. XIV, 456) это былъ оборотъ вполнѣ субъектный, оставшійся таковымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда, для краткости или по какимъ-либо другимъ причинамъ, подлежащее Ζεύς опускалось: оно присутствовало въ мысли. Это былъ только эллипсъ, какъ совершенно-правильно опредѣляются данные обороты у *Kühner-Gerth*, II, 33; Hierher (къ случаямъ эллипса, а не дѣйствительнаго отсутствія подлежащаго) gehören auch die Ausdrücke der Naturerscheinungen, bei denen die Griechen ursprünglich als Subject Ζεύς oder ὁ θεός hinzudachten, oft auch wirklich hinzusetzten: βροντᾶ — tonat und Ζεὺς δ'ἄμυδις βρόντησε, μ. 415, wie Juppiter tonat... Τὸν χειμῶνα ὗει σφι ὁ θεός Hdt. 3, 117 и просто ὗει Hdt. 4, 50... Ὀμβρήσαντος Ζηνός Hs. op. 415. Въ такомъ видѣ оборотъ былъ вполнѣ субъектенъ. Но съ теченіемъ времени онъ становился постепенно и спорадически *относительно-безсубъектнымъ* — въ тѣхъ случаяхъ, когда, говоря ὗει, βροντᾷ и т. д., забывали о субъектѣ, не держали въ сознаніи представленія о немъ, и въ предѣлахъ грамматической апперцепціи явственно выступало лишь сказуемое. Относительность сводилась къ тому, что мѣсто подлежащаго еще было за нимъ, и субъектъ еще могъ вновь появиться. Утвержденіе Миклосича, что подлежащее Ζεύς или θεός вводилось въ эти обороты, такъ сказать, заднимъ числомъ, что мы имѣемъ здѣсь предъ собою

случаи превращенія формъ (искони) безсубъектныхъ въ субъектныя, будетъ справедливо только въ томъ случаѣ, если мы внесемъ сюда слѣдующія поправки: эти обороты первоначально были субъектны (Ζεὺς, θεὸς ὕει), потомъ становились относительно-безсубъектными, наконецъ, еще не успѣвъ превратиться въ абсолютно-безсубъектные, возвращались (спорадически) къ первоначальной субъектности. Подлежащее Ζεύς или θεός могло дѣйствительно появляться въ этихъ предложеніяхъ заднимъ числомъ, но это-то и должно быть разсматриваемо, какъ живое свидѣтельство въ пользу того, что формы ὕει, βροντᾷ и пр. *еще не были абсолютно-безсубъектными.*

О санскритскомъ *varṣati* («дождитъ»), встрѣчающемся въ древнѣйшихъ текстахъ, трудно сказать съ увѣренностью, было-ли оно (въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы находимъ его) еще субъектно (т. е. не названное подлежащее подразумѣвалось), или уже стало *относительно-безсубъектнымъ*. Извѣстное мѣсто въ Ригъ-Ведѣ VII, 103, 3: yád īm enāñ uçató *abhy àvarṣīt* tṛṣyávataḥ prāvṛṣy āgatāyàm — «...когда на нихъ (лягушекъ), страстно-желающихъ (дождя), томящихся жаждою, пролилъ дождь (безъ видимаго субъекта: «надождило»), при наступленіи сезона дождей...», а равно и соотвѣтственные случаи въ прозѣ Brāhmāṇās (Ct.-Br. 3, 1, 1, 8: ned abhivarṣād и др.) не заключаютъ въ себѣ никакихъ указаній или намековъ на то, какъ именно отражался въ сознаніи этотъ оборотъ. Но, съ другой стороны, мы находимъ намекъ на то, что здѣсь еще не было абсолютной безсубъектности, въ употребленіи причастія наст. дѣйств. (отъ того же глагола *vaṛṣ*) *varṣan* въ значеніи «дождь», напр. Ct.-Br. 3, 1, 2, 14 táyaiṣā *várṣantam* táyā himam tàyā ghṛ́ṇim titikṣiṣyate—«ею (кожею) она (корова) легко будетъ переносить *дождь*, холодъ, жару». Прич. *varsan* въ знач. «дождь» могло быть сокращеніемъ выраженія *dyaur varsan* — «дождящее небо» или «дождящій Dyaus». Терминъ varsan — дождь былъ именемъ *съ внутреннею формою*, а въ основѣ таковой всегда скрывается предложеніе, въ которомъ былъ данъ *дѣятель*, производящій данный при-

знакъ, т. е. подлежащее было на-лицо.— Далѣе, можно указать на такіе случаи, какъ Ṛv. V, 84, 3... várṣanti vṛṣṭáyaḥ — «дождятъ дожди», Ṛv. X, 98, 1 ...parjányam... vṛṣāya — «заставь дождить (пролить дождь) Парджанью, Ṛv. IX, 96, 3 ...varṣáyan dyắm — «(Сома) заставляющій небо проливать дождь». Здѣсь, въ каузативахъ отъ vaṛs, ясно указаны субъекты предиката vaṛs: это дожди, богъ Parjanyas, небо (или богъ Dyaus). Послѣднее мѣсто (въ стихѣ IX, 96, 3) прямо указываетъ на оборотъ dyaur varṣati = Ζεὺς ὕει. — Наконецъ, необходимо принять во вниманіе общее религіозно-миѳическое міровоззрѣніе эпохи Ведъ, въ силу котораго всѣ явленія природы приписывались дѣятельности опредѣленныхъ божествъ. Субъекты такихъ глаголовъ, какъ varṣati, были не только предметомъ грамматической апперцепціи, но и глубокой религіозной вѣры. И если, въ той или иной фразѣ, они грамматически не обозначены, то это либо — эллипсъ, либо — первые всходы начинающейся *относительной* безсубъектности. — Укажу еще, что въ извѣстномъ гимнѣ о ниспосланіи дождя (Ṛv. X, 98) нѣтъ (въ 12-ти стихахъ) ни одного оборота, который хоть отдаленно намекалъ бы на безсубъектность, — и тамъ вездѣ указаны, даже поименованы опредѣленные миѳическіе дѣятели, прямо или косвенно производящіе дождь (Bṛhaspati, Parjanya, Agni).

Въ этихъ греческихъ и санскритскихъ формахъ (ὕει, varṣati) мы усматриваемъ только первые симптомы начавшагося движенія въ сторону безсубъектности. Въ другихъ языкахъ этотъ процессъ подвинулся значительно дальше и достигаетъ полной безсубъектности въ лат. pluit, ningit и др., въ нашихъ «свѣтаетъ», «морозитъ» и т. д. Въ дѣлѣ изслѣдованія данныхъ формъ со стороны ихъ происхожденія и постепеннаго развитія безсубъектности вступаетъ въ свои права и вопросъ о матеріальномъ содержаніи, о смыслѣ, о кругѣ явленій, къ которому эти выраженія относятся. Это именно—извѣстныя и обычныя явленія природы, съ которыми человѣкъ освоился съ незапамятныхъ временъ, и съ которыми тѣсно связаны его матерьяльныя инте-

ресы и весь обиходъ его жизни. Въ ту отдаленную эпоху, когда въ этой сферѣ воспріятій впервые началось движеніе грамматической мысли въ сторону относительной безсубъектности, миѳическіе производители соотвѣтственныхъ явленій были отлично извѣстны человѣку, т. е. подлежащія данныхъ оборотовъ были на-лицо. При нормальномъ теченіи вещей, когда для мысли важнѣе всего отмѣтить самый фактъ («пошелъ дождь»), а его виновника отмѣчать незачѣмъ, потому что онъ достаточно извѣстенъ, естественно возникалъ въ этихъ оборотахъ эллипсъ: (ζεὺς) ὕει, (dyaur) varṣati. Мало того: данное явленіе, напр. дождь, могло приписываться различнымъ миѳическимъ дѣятелямъ, и, въ полномъ видѣ, соотвѣтственныя предложенія могли звучать различно: dyaur varṣati, indro varṣati, parjanyo varṣati, даже varsan (или vṛṣtir) varṣati. Поэтому, когда опускали подлежащее, то могли и не отдавать себѣ отчета въ томъ, кому именно изъ этихъ миѳическихъ лицъ принадлежитъ грамматическая роль подлежащаго. Далѣе, вмѣсто того или другого изъ поименованныхъ дѣятелей являлось въ грамматическомъ сознаніи ихъ обобщеніе — *devas* (богъ): deo varṣati, θεὸς ὕει. Появленіе нарицательнаго вмѣсто собственнаго, обобщенія вмѣсто конкретнаго есть уже нѣкоторый, на первыхъ порахъ едва замѣтный, шагъ въ сторону ослабленія момента подлежащаго, умаленія его энергіи, какъ производителя признака. Этотъ шагъ становится замѣтнѣе, когда въ роли подлежащаго выступаетъ имя отвлеченное, какъ скр. devatā, божество. Тогда и эллипсъ пріобрѣтаетъ большее значеніе въ смыслѣ прецедента безсубъектности. Когда имѣлъ мѣсто эллипсъ собственныхъ именъ (indras, dyaus, parjanyas и т. д.) или ихъ ближайшаго обобщенія, нарицательнаго devas, тогда легко возникалъ, по тому или другому поводу, вопросъ о томъ, кто же именно въ данномъ случаѣ долженъ быть названъ, dyaus-ли, indras-ли, или же parjanyas, или наконецъ— всѣ вмѣстѣ. Разъ возникаетъ сомнѣніе или вопросъ,— точка подлежащаго усиливается, грамматическая потребность назвать его даетъ себя чувствовать,— субъектность предложенія высту-

паетъ явственнѣе. Когда же подлежащее, подвергшееся эллипсу, есть отвлеченіе («божество»), въ которомъ образы отдѣльныхъ дѣятелей слились и обезличились, и которое уже разсматривается какъ достаточная замѣна, какъ эквивалентъ каждаго изъ нихъ, тогда не возникаетъ сомнѣній и вопроса о ближайшемъ опредѣленіи субъекта («имя рекъ»), и грамматическая мысль имѣетъ возможность безпрепятственно итти дальше, мимо подлежащаго, къ сказуемому.

Рано начавшееся движеніе въ сторону безсубъектности въ грамматической апперцепціи явленій природы было задерживаемо всякій разъ, когда наблюдалось нарушеніе порядка. Напр. когда случалось бездождіе, то мысль невольно обращалась къ тому дѣятелю, который, по понятіямъ эпохи, производилъ дождь. Вотъ тутъ-то и возникалъ вопросъ, кто онъ, Индра или Парджанья, и подлежащее уже не могло быть обойдено. Въ такихъ случаяхъ не довольствовались и нарицательнымъ именемъ, какъ devas. Молитва о ниспосланіи дождя должна быть обращена къ опредѣленнымъ божествамъ (имя рекъ), а не къ «богу вообще». Безсубъектныя формы здѣсь невозможны.

Эти соображенія и замѣчанія имѣютъ цѣлью пояснить, въ какомъ смыслѣ и въ какихъ предѣлахъ можно, по нашему мнѣнію, съ успѣхомъ пользоваться моментомъ матерьяльнаго содержанія. Образцовое изслѣдованіе этого рода мы имѣемъ въ посмертномъ трудѣ Потебни, «Изъ Зап.» III, стр. 405 и слѣд.

V.

Едвали можно сомнѣваться въ томъ, что лишь незначительная часть безсубъектныхъ оборотовъ, извѣстныхъ въ новыхъ языкахъ, восходитъ въ отдаленную древность. Для многихъ формъ безсубъектности, столь характерныхъ для грамматической мысли новаго времени, мы не найдемъ въ древности соотвѣтственныхъ

формъ, или же, если таковыя и окажутся, то это, несомнѣнно, образованія не архаическаго типа, которыя въ древнихъ языкахъ были явленіемъ новымъ. Таковы между прочимъ обороты съ глаголомъ въ страдательномъ залогѣ и съ partic. necessitatis, извѣстные въ санскритѣ и представляющіе собою образованіе далеко не архаическое.

Достаточно просмотрѣть у Миклосича образцы различныхъ безсубъектныхъ оборотовъ въ новыхъ языкахъ, чтобы вынести впечатлѣніе, что безсубъектность есть явленіе все болѣе развивающееся и распространяющееся чуть-ли не по всѣмъ отдѣламъ грамматическаго мышленія.

Наблюдая эту картину, мы приходимъ къ заключенію, что должна быть какая-то связь между явленіемъ безсубъектности и общимъ развитіемъ грамматическаго мышленія. Возникаетъ вопросъ: не есть-ли безсубъектность только частный случай или крайнее выраженіе общей эволюціи грамматической мысли въ направленіи, характерныя черты котораго — перенесеніе центра тяжести грамматическаго предложенія въ сказуемое, пышное развитіе глагольности, перемѣны въ общей постановкѣ именъ въ языкѣ, особенно — существительныхъ, превращеніе идеи или грамматической роли подлежащаго, какъ производителя признака, въ грамматическую фикцію, появленіе псевдомѣстоименій и т. д.?

Постановка этого вопроса и разработка отдѣльныхъ задачъ, изъ него вытекающихъ, составитъ содержаніе нашихъ дальнѣйшихъ посильныхъ опытовъ, посвященныхъ изслѣдованію явленій безсубъектности.

Настоящую же статью я закончу указаніемъ на нѣкоторыя черты изъ исторіи языковъ, ближайшимъ образомъ связанныя съ тѣмъ, что можно назвать *убылью грамматической апперцепціи подлежащаго*. Сюда относится, съ одной стороны, исчезновеніе или преобразованіе въ новомъ духѣ старыхъ оборотовъ, благопріятствовавшихъ болѣе энергичной апперцепціи подлежащаго, съ другой же — возникновеніе новыхъ синтактическихъ

формъ и морфологическихъ категорій, явно неблагопріятныхъ подлежащему.

Изъ числа первыхъ упомяну о *составныхъ сказуемыхъ со вторымъ именительнымъ* въ формѣ причастія или имени (сущ. и прилаг.). Второй именительный, хотя и образуетъ часть сказуемаго, но въ то же время тяготѣетъ и къ подлежащему, съ которымъ онъ связанъ узами согласованія. Это тяготѣніе и эта связь содѣйствуютъ тому, что моментъ подлежащаго проявляется въ сознаніи съ особливою силою, и слѣдовательно на него тратится много умственной энергіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ подлежащее выступаетъ въ качествѣ очень энергичнаго дѣятеля, производителя признака, даннаго въ сказуемомъ, и превращеніе его въ фикцію или величину мнимую встрѣчаетъ въ характерѣ данныхъ оборотовъ наиболѣе серьезныя препятствія.— Энергія подлежащаго и избытокъ траты умственной силы на его апперцепцію яснѣе даютъ себя знать и должны быть признаны значительно бо́льшими въ оборотахъ съ причастіями (наст., аор., перф.), чѣмъ въ оборотахъ съ именами. Едвали можно сомнѣваться въ этомъ послѣ глубокихъ изслѣдованій Потебни (во II-ой части «Изъ зап. по русс. грамм.» — о составныхъ сказуемыхъ и о замѣнахъ второго именительнаго). Позволю себѣ также указать на мою посильную попытку изученія нѣкоторыхъ изъ этихъ формъ въ «Синтактическихъ наблюденіяхъ» (вып. I), гдѣ я имѣлъ между прочимъ въ виду показать относительную трату и сбереженіе умственной силы въ этихъ формахъ въ сферѣ сказуемаго. Подлежащее я оставилъ безъ разсмотрѣнія. Теперь укажу, что различіе въ тратѣ (или сбереженіи) умственной силы между напр. *бѣ проповѣдаѧ*, ἦν κηρύσσων съ одной стороны и «*проповѣдовалъ*» — съ другой не ограничивается моментомъ сказуемаго, но простирается и на моментъ подлежащаго. Въ оборотахъ съ причастіемъ подлежащее, если можно такъ выразиться, «*повторено*» въ причастіи. Причастіе отвѣчаетъ въ этихъ оборотахъ на вопросъ: каково *подлежащее* въ моментъ его дѣятельности? И здѣсь грамматическая мысль, такъ сказать,

не выпускаетъ подлежащаго изъ предѣловъ своей апперцепціи до конца фразы. Сама предикативность, присущая причастію, соединяясь въ немъ съ апперцепціей подлежащаго, съ напоминаніемъ о немъ, какъ о производителѣ признака, въ свою очередь содѣйствуетъ тому, что моментъ подлежащаго съ особенной силой отпечатлѣвается въ сознаніи и поглощаетъ много умственной силы, гораздо больше, чѣмъ въ оборотахъ съ именами, неимѣющими своей предикативности. Оттого обороты съ причастіемъ настоящимъ исчезли изъ обихода новыхъ языковъ, между тѣмъ какъ обороты съ именами (второй имен.) еще остались, хотя районъ ихъ распространенія гораздо уже, чѣмъ обыкновенно думаютъ [1]).

Въ ряду формъ съ причастіемъ нужно различать тѣ, въ которыхъ причастіе предикативно-аттрибутивно, отъ тѣхъ, въ которыхъ оно аппозитивно (*Потебня*, «Изъ Зап.» II, 182; «Синт. набл.», 33 и сл.). Причастія предикативно-аттрибутивныя тяготѣютъ къ подлежащему въ большей мѣрѣ, чѣмъ аппозитивныя, тѣснѣе примыкающія къ глагольной части предиката, и потому первыя больше послѣднихъ содѣйствуютъ проявленію и закрѣпленію подлежащаго въ сознаніи,— слѣдовательно увеличиваютъ трату силы на его апперцепцію.

Исчезновеніе этихъ оборотовъ, ихъ преобразованіе въ новые съ простыми глагольными сказуемыми, съ дѣепричастіями, съ обстоятельственными словами вмѣсто вторыхъ именительныхъ

1) Въ «er ist gut» слово *gut*—не прилагательное, а родъ нарѣчія (если не настоящее нарѣчіе), обстоятельственное слово. Если не ошибаюсь, первый указалъ на это Herm. Paul въ «Prinzipien der Sprachgeschichte», 313: Die formelle scheidung des adjectivums von dem adv. beruht auf der flexionsfähigkeit der ersteren und der dadurch ermöglichten congruenz mit dem subst. Wo dies formelle kriterium fortfällt, da kann auch die scheidung von dem sprachgefühl nicht mer strict aufrecht erhalten werden. ...Wir haben eigentlich kein recht mehr *gut* in sätzen wie *er ist gut gekleidet, er spricht gut* und *gut* in sätzen wie *er ist gut, man hält ihn für gut* einander als adv. und adj. gegenüberzustellen. Остроумныя замѣчанія, отчасти ограничивающія утвержденіе Paul'я, сдѣлалъ *Ries*, «Was ist Syntax?» стр. 161 (прим. 78). Равнымъ образомъ и въ формахъ, какъ ist sprechend, анг. j am speaking, мы имѣемъ дѣло не съ причастіями, а дѣепричастіями, и вторыхъ именительныхъ здѣсь нѣтъ.

знаменуетъ собою ослабленіе момента подлежащаго, сокращеніе траты на его грамматическую апперцепцію. Съ тѣмъ вмѣстѣ усиливается моментъ сказуемаго. Здѣсь еще нѣтъ безсубъектности, но уже есть перестановка центра тяжести предложенія въ направленіи къ сказуемому, перевѣсъ апперцепціи сказуемаго сравнительно съ апперцепціей подлежащаго.

Другой процессъ, дѣйствовавшій въ томъ же направленіи, это—исчезновеніе категоріи *medium*'а (ātmanepadam)[1]). Въ *medium*'ѣ, какъ извѣстно, было выражаемо, такъ сказать, самоутвержденіе подлежащаго; признакъ, данный въ глаголѣ, апперцепировался формами medium'а съ оглядкою на производителя этого признака, что̀ и способствовало вящему закрѣпленію подлежащаго въ грамматическомъ сознаніи. Быть можетъ, исторически формы medium'а предшествовали формамъ актива, который могъ (морфологически) образоваться чрезъ ослабленіе медіальныхъ окончаній (*si* изъ *saį*, *ti* изъ *taį*). Какъ бы то ни было, но *синтактически* активъ правильнѣе всего можетъ быть понятъ и опредѣленъ — *какъ ослабленный медіумъ*, и это ослабленіе, въ синтактическомъ смыслѣ, сводится къ устраненію лишней оглядки на подлежащее, къ пониженію энергіи его грамматическаго воспріятія.

На ряду съ исчезновеніемъ архаическихъ формъ и оборотовъ, сопряженныхъ съ болѣе энергическимъ воспріятіемъ подлежащаго, шло образованіе новыхъ формъ, клонившихся къ умаленію роли подлежащаго, подрывавшихъ «грамматическій интересъ» къ нему. Въ ихъ числѣ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ принадлежитъ *пассиву*, формѣ, какъ извѣстно, неархаической, возникшей въ индоевропейскихъ языкахъ уже послѣ ихъ раздѣленія. Сущность пассива въ томъ и состоитъ, что въ немъ производитель признака, даннаго въ глаголѣ, превратился изъ дѣйствитель-

---

1) Его остатки (не въ морфологическомъ, а въ синтактическомъ смыслѣ, кое-гдѣ сохранились: сюда—наши *играться* (не взаим.,— объ одномъ ребенкѣ), *драться* (не взаим.: «чего ты дерешься!»), употребленіе *себѣ*: «бывало, сижу себѣ, иду себѣ...», фр. s'en aller и т. п.

наго въ фиктивный и мнимый. Мы можемъ наблюдать различныя ступени фиктивности подлежащаго въ пассивныхъ оборотахъ, отъ такихъ, которыя еще не далеко ушли отъ дѣйствительности подлежащаго, какъ производителя признака, и до такихъ, гдѣ фиктивность его уже переходитъ въ мнимость. Потебня указываетъ («Изъ зап.» I, 94) на выраженіе «эта книга читается всѣми», какъ на такое, гдѣ въ подлежащемъ страд. оборота «книга» еще виденъ производитель признака «читать»: «она дѣлаетъ такъ, что всѣ ее читаютъ».—«Конечно»—замѣчаетъ Потебня—«такая самодѣятельность субъекта страдательнаго сказуемаго фиктивна, но она дѣйствительна въ грамматическомъ смыслѣ, какъ способъ изображенія» (Тамъ же).—Я предложу нѣсколько иную постановку вопроса, а именно: подлежащее страдат. оборота проявляется въ сознаніи далеко не съ тою силою и полнотой, какъ это имѣетъ мѣсто—*при прочихъ равныхъ условіяхъ*—въ оборотѣ активномъ: *его роль, какъ производителя признака*, въ страдат. оборотѣ *ограничивается и даже отрицается*, и это приводитъ къ тому, что производитель признака воспринимается сознаніемъ какъ не настоящій, *какъ фикція,— а въ результатѣ возникаетъ какъ бы «грамматическое недовѣріе» къ подлежащему, родъ «подозрѣнія», что оно фиктивно не только въ своей роли производителя признака, но и въ своемъ синтактическомъ призваніи—какъ подлежащее*. Тѣнь фиктивности уже пала на подлежащее, и если фиктивность дойдетъ до мнимости, то и подлежащее, какъ таковое, а не только какъ производитель признака, станетъ мнимымъ. Въ предложеніи «эта книга читается съ удовольствіемъ» еще дана нѣкоторая возможность представить себѣ подлежащее въ роли производителя признака, т. е. мысль еще можетъ, потратя на это (и при томъ — непроизводительно) извѣстную долю вниманія и времени, вообразить «книгу» дѣйствующею такъ, что ее читаютъ съ удовольствіемъ. Также и въ предложеніи «онъ всѣми любимъ» можно остановиться мыслью на томъ, что это «*онъ*» такъ поступаетъ, является такимъ, отличается такими качествами, что всѣ его любятъ. Здѣсь еще сохраняется тѣнь или

намекъ на самодѣятельность подлежащаго. Не трудно видѣть, что въ подобныхъ случаяхъ много значитъ моментъ матерьяльнаго содержанія (смысла фразы), который можетъ искусственно поддержать въ сознаніи фикцію подлежащаго, какъ производителя признака. Но тамъ, гдѣ такой поддержки со стороны содержанія нѣтъ, роль подлежащаго, какъ производителя признака, *совсѣмъ не проникаетъ въ сознаніе: тамъ нѣтъ ея — даже въ смыслѣ фикціи, — и подлежащее дано тамъ только какъ отвѣтъ на вопросъ: кто? что? Такое подлежащее, въ которомъ нѣтъ даже и фикціи самодѣятельности, я буду называть фиктивнымъ и формальнымъ.* Въ предложеніяхъ: «письмо было послано», «весь городъ былъ объятъ пламенемъ», «N. N. убитъ горемъ», «честь была спасена», «подсудимый былъ осужденъ» и т. д. и т. д. совсѣмъ нѣтъ подлежащихъ какъ (даже фиктивныхъ) производителей признаковъ, а только есть *формальныя подлежащія* — какъ отвѣты на вопросъ «кто? что?». *Только въ этомъ смыслѣ* и апперцепируетъ ихъ грамматическая мысль, тратя на нихъ минимумъ силы и вниманія. Приблизительно это тотъ минимумъ траты, который превращаетъ грамматическую величину въ фиктивную. Если представимъ себѣ этотъ минимумъ доведеннымъ до нуля, то получимъ либо мнимое подлежащее, либо безсубъектность. Мнимое подлежащее въ страдательномъ оборотѣ я усматриваю въ тѣхъ переходныхъ (отъ субъектности къ безсубъектности) формахъ, гдѣ подлежащее уже, такъ сказать, поколеблено въ своей синтактической и даже морфологической позиціи, и гдѣ самый вопросъ «кто? что?» предъявляется не такъ легко и отчетливо, какъ обыкновенно. Таковы: *гласъ троубы услышано будетъ* (Mikl. Subj. S., 58), гдѣ съ увѣренностью нельзя сказать, именительный пад. *гласъ*, или винит., разоумно бысть Саулу свѣтъ ихъ — ἐγνώσθη τῷ Σαύλῳ ἡ ἐπιβουλὴ αὐτῶν (ib.), — *чтобъ было вѣдомо смертная наша погибель конечная* (Воззваніе моск. людей 1611 г.), — *а ржы было сѣяно у меня полчетверты четверти, а овса... сѣяно полосмы четверти...* (Лихачевъ, Сборникъ акт., Прав. Грам.

1543 г.), *...тъ въсти въдомо, ...такъ що видно була и уся одежа... а вырѣзано на той печати инъроґъ звѣрь* и др., разсмотрѣнные у Потебни («Изъ зап.» III, 456 и сл.).

Мнимое подлежащее этого рода встрѣчается и при активномъ глаголѣ, о чемъ въ свое время у насъ будетъ рѣчь.

Безсубъектность возникаетъ въ страд. оборотѣ, когда вопросъ «кто? что?» становится невозможнымъ: *itur*, *turbatum est* domi, млр. за мое жито, ще *мене бито*, нѣм. *es wird gegangen* и мн. др., приведенные у Миклосича Subj. S., 58—64.

Движеніе въ ту же сторону — *убыли подлежащаго*, т. е. сбереженія силы въ сферѣ его грамматическаго воспріятія— наблюдается и въ оборотахъ активныхъ.

Здѣсь нужно различать случаи:

1) когда подлежащее не можетъ быть *(при современномъ укладѣ мышленія)* понимаемо какъ самодѣйствующій производитель признака и только отвѣчаетъ на вопросъ «кто? чго?», напр.: «всѣ деньги вышли», «трава зеленѣетъ», «книга упала на полъ» и т. п.;

2) когда, напротивъ, подлежащее, оставаясь производителемъ признака, не отвѣчаетъ на вопросъ «кто? что?» — за ненадобностью этого вопроса, напр. я думаю, что... (=мнѣ думается, что...), я сказа́лъ (съ удареніемъ на глаголѣ), вы знаете, что... (= вамъ извѣстно, что...). — Это большею частію тѣ именно случаи, о которыхъ Потебня писалъ: «Такъ какъ въ выраженіяхъ, какъ «люблю» и равносильныхъ имъ, хотя и снабженныхъ знакомъ лица спереди (j'aime), есть только отношеніе къ лицу, а самое лицо (подлежащее) необозначено никакъ, ни качественно, ни указательно; то такія выраженія незаключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ сказуемаго, т. е. *безсубъектны*» («Изъ зап.», I, 84). — Я не назову ихъ безсубъектными, потому что 1) мѣсто подлежащаго въ грамматической мысли здѣсь сохранено и 2) представленіе (мѣстоименное), находящееся тутъ, какъ бы слабо оно ни было, какъ бы мало грамматическая мысль ни интересовалась имъ, какъ подлежащимъ, *всетаки является въ*

роли самодѣйствующаго производителя признака. Вся суть дѣла только въ томъ, что этотъ производитель остается въ тѣни, не привлекаетъ къ себѣ вниманія, и вмѣстѣ съ тѣмъ его способность отвѣчать на вопросъ «кто? что?», хотя и не потеряна, но и не утилизуется, ибо, по смыслу фразы, этотъ вопросъ не нуженъ и не подымается. Напротивъ, въ выраженіяхъ: *я* сказалъ» (съ удареніемъ на мѣстоименіи), «это *ты* говоришь», c'est moi qui parle и т. д. мѣсто подлежащаго уже не въ тѣни, его роль, какъ производителя признака, выступаетъ явственно, и вопросъ «*кто?*» самъ собою напрашивается. Стало быть, все дѣло сводится къ тому, много-ли, или мало вниманія удѣлено подлежащему. Если ужь очень мало (я сказа́лъ, что...; думаю, что...; j'aime, dixi), и вся почти сила воспріятія устремлена на сказуемое, то мы назовемъ подлежащее такихъ предложеній *формальнымъ* и *фиктивнымъ;* пожалуй, въ иныхъ случаяхъ оно даже можетъ быть понято какъ мнимое («ну, *думаю*, бѣда...», «*какъ поживаете?*», «*здравствуйте*», «*прощайте*», «*благодарю*»). Но настоящей безсубъектности (даже относительной) здѣсь все-таки нѣтъ. Мы видимъ въ этихъ формахъ только одно изъ многихъ проявленій того общаго стремленія сберегать силу насчетъ апперцепціи подлежащаго, которое въ явленіяхъ безсубъектности находитъ лишь крайнее свое выраженіе.

Изъ всего вышеизложеннаго выводится *программа* изысканій въ области безсубъектныхъ оборотовъ, которой мы будемъ придерживаться въ дальнѣйшемъ: 1) опредѣленіе *степени безсубъектности* того или иного оборота; 2) изученіе его *историческаго развитія*, его постепеннаго преобразованія изъ субъектныхъ въ безсубъектные (если для этого есть достаточно данныхъ) [1]); 3) изслѣдованіе *формы сказуемаго* съ *оглядкою* на (от-

1) Возможно, что найдутся безсубъектные обороты «безъ исторіи», безъ прошлаго, возникшіе силою *аналогіи* съ другими, исторически-образовавшимися. Вопросъ (кажется, незатронутый) о дѣйствіи аналогіи въ образованіи синтактическихъ формъ заслуживалъ бы вниманія.

сутствующее) подлежащее и *въ связи съ общей эволюціей данной морфологической категоріи въ языкѣ*; 4) приведеніе изучаемаго оборота въ связь съ общимъ движеніемъ грамматической мысли въ направленіи *убыли* грамматической апперцепціи подлежащаго.

Д. Овсянико-Куликовскій.

Библиотека ОФН
Академии Наук СССР

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1900 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности. Императорской Академіи Наукъ, т. V. (1900 г.), 4-я. стран. 1146—1186.

Типографія Императорской академіи наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).